

Беллетризация документа или документализация романа: история Ваньки Каина

В малоизвестной по сей день истории первых этапов развития русского романа есть произведение, связанное с удивительной, знаковой исторической личностью – Иваном Осиповым по прозвищу Каин, сыном крестьянина Ростовского уезда, известным в XVIII веке профессиональным московским вором, ставшим внештатным сотрудником Сысного приказа. То ли тип вора-доносителя вызвал интерес, то ли сам феномен оказался живучим, но история походов Ваньки Каина, только в России XVIII в. переиздававшаяся в разных вариантах 15 раз¹, получила продолжение и в русской исторической прозе XX ст. ("Загадки Ваньки Каина" Д.Евдокимова -1988 г.).

Впервые история Ваньки Каина была рассказана читателю легендарным Матвеем Комаровым, автором побившего все издательские рекорды и жившего на читательском рынке России сто тридцать лет² бестселлера XVIII в. — романа *"Повесть о приключении Английского Милорда Георга и о Брандбургской маркграфине Фридерике Луизе"* (1782 г.) – переделки популярной в России первой половины XVIII в. рукописной повести *"Гистория о английском милорде Гереоне"* (список 1741 г.). Именно этот "Милорд", как любовно называли его читатели, стал своеобразным знаком неразвитости эстетического вкуса массового читателя и был назван Н.Некрасовым "Милордом глупым", что, однако, никак не повлияло на его

¹ Сиповский В. В. Из истории русского романа XVIII-го века (Ванька Каин). – СПб.: Тип. Импер. Акад. Наук., 1902. – 95 с. – С. 2.

² Шкловский В. Б. Матвей Комаров житель города Москвы. – Л.: Прибой, 1929. – 296 с. – С. 78.

популярность у читателя.

Роман "*Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина всей его жизни и странных походов, соч. М.К. в Москве 1775*" (СПб., 1779), был переделкой бытовавших в рукописи автобиографических записок подлинного исторического лица – известного в 1740-е гг. московского вора и доносителя Сыского приказа Ивана Осипова Каина.

Толчком к созданию произведения послужила ставшая очень популярной у низового читателя книга "*Подлинное описание жизни французского мошенника Картуша и его сотоварищи*", переведенная в 1771 г. с немецкого языка на русский капитаном Неелов³. Это переводное произведение повлияло и на анонимные издания "*Жизни и походов российского Картуша, именуемого Каин*", датированные 1775 и 1777 гг.⁴

Читательская популярность истории Ваньки Каина и привлекла к ней внимание М. Комарова, всегда чутко улавливавшего конъюнктуру книжного рынка. Сам выросший на рукописной литературе, бывший крепостной Зотовых-Эйхлер, Матвей Комаров стремился приблизить рукописное чтение к литературе книжной. Одним из путей к этой цели была обработка любимых читателем рукописных произведений, мастером которой и был автор "*Ваньки Каина*", давший массовому, не очень грамотному читателю не только "*Милорда Георга*", но и "*Крестьянские сказки*" (1790 г.), авторство которых установил В. Б. Шкловский⁵, роман "*Невидимка. История о Фецеком королевиче Аридесе и о брате его Полумедесе*" (1789 г.), представлявший собою сплошные общие места рукописного романа первой половины XVIII в.

Ориентируясь на вкусы третьесословного читателя, которому адресован

³ Подлинное описание жизни французского мошенника Картуша и его сотоварищи собранное из производимых над ним процессных пунктов и других вероятных уведомлений. С нем. яз. перевел Капитан Матвей Неелов. – СПб., 1771.

⁴ Библиографию изд. см.: Сиповский В. В. Указ. соч. – С. 25-27.

⁵ Шкловский В. Б. Указ. соч. – С. 231.

"*Ванька Каин*", М. Комаров опирался на опыт М. Чулкова – создателя первого русского социально-бытового романа о жизни обычного человека из социальных низов общества ("*Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины*" – 1770 г.), хорошо знакомой самим "мелкотравчатым" сочинителям. "Солдатский сын" М. Чулков сделал героиней своего романа "*Пригожая повариха*" сержантскую вдову Мартону, бывший крепостной, а потом *Житель города Москвы* М. Комаров ⁶ рассказал о беглом крепостном воре Ваньке Каине.

В программном Предуведомлении к роману Матвей Комаров утверждал право на **свое** чтение "*не только для благородных, но среднего и низкого степени людей, а особливо купечества*", и, доказывая, что в России есть свои славные мошенники, не хуже французского Картуша, включил в круг возможных героев *истории* (так называет роман М. Комаров) не только градоначальников, великих героев и неустрашимых полководцев, но и "*великих мошенников, воров и разбойников*" ⁷. Предлагая читателю мемуары вора, автор отстаивал право всякого человека на воспоминания, право любого на то, чтобы войти в историю, стать героем романа, рассказывающего о реальной жизни.

М. Чулкова и М. Комарова объединяло осмысление мира как эмпирической реальности, где человек был продуктом тех нравов и законов, которые царили в определенной социальной среде. Пространное авторское размышление на эту тему и открывает роман о Ваньке Каине, определяя важнейший принцип мировосприятия М. Комарова и ту призму, через которую нужно рассматривать всю историю знаменитого вора и мошенника: "*...Разумные люди разум человеческой уподобляют водяному ключу, из которого текущая вода, если пойдет чрез пески и камни, то выдет самой*

⁶ Шкловский В. Б. Указ. соч. – С. 16.

⁷ Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина всей его жизни и странных походов. Сочиненное М. К. в Москве 1775 года. Печ. в СПб.: Сенат. тип., 1779. – 104 с. – С. нн.

чистой и кристалловидной источник; буде же течение иметь чрез тины, болоты и нечистые места, то явится мутная и ни к чему годная вода; так и человек как бы от природы разумен не был, но когда в юности своей не будет иметь доброго воспитания, и станет возрастать в обществе развращенных людей, то и сам развращенным явится...", и потому Ванька, "сделавшись сперва маленьким мошенником, а потом большим вором и разбойником, наделал таких дел, которые наконец ввергли его в невозвратную погибель и составили об нем следующую историю..."⁸.

М. Комаров отразил в романе социальные конфликты своего бурного времени. Конфликт крепостного Ваньки и его хозяина, а потом конфликт живущего вне закона человека и общества определили весь ход событий в романе. Российская действительность подсказала и тип центрального героя.

Как сообщает автор в предуведомлении, идея написания этого произведения появилась у него еще в 1774 году. Это был разгар крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева, обнажившей один из острейших социальных конфликтов России второй половины XVIII столетия. Выбор в качестве героя романа вора и разбойника Ваньки Каина был не только своеобразным эстетическим вызовом "высокому" искусству классицистов, но и вызовом общественным. Чернь, учиняющая разбой в российском государстве, и разбойник – герой романа – явления родственные. Не случайно в народном сознании образ Ваньки Каина сближается с другим образом: национальным героем-разбойником Степаном Разиным, и в историческом фольклоре Каин награждается "разинскими" сюжетами, получает титул Есаула Разина⁹, а в изданиях истории Ваньки

⁸ Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина всей его жизни и странных походов. Сочиненное М. К. в Москве 1775 года. Печ. в СПб.: Сенат. тип., 1779. – 104 с. – С. 2-3.

⁹ Плюханова М. В. Литературные и культурные традиции в формировании литературно-исторического персонажа (Ванька Каин) // Типология литературных взаимодействий / Уч. зап. Тарт. ун-та. – 1983. – № 620. – С. 3-17. – С. 5.

Каина часто включается "*Краткая повесть о Стеньке Разине*"¹⁰.

Во времена пугачевского движения вопрос о национальном характере – один из центральных в понимании истории в эпоху Просвещения¹¹ – приобрел политический смысл. На страницах русских журналов 1760-1780-е гг. развернулась бурная полемика о национальном характере¹². Отвечая на двадцатый из "*Нескольких вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание*" Д. И. Фонвизина, напечатанных в Ч. 3 "Собеседника любителей российского слова" за 1783 г.: *В чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?*, Екатерина II провозгласила: "*В остром и скоромъ понятии всего, в образцовомъ послушании*"¹³. Другой точки зрения придерживались Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, Б. Я. Княжнин, А. Н. Радищев, которые видели суть русского национального характера в свобододобии и бунтарстве.

Роман, предметом художественного познания в котором были отношения личности и общества, не мог оказаться в стороне от одной из главных проблем, над которыми билось общественное сознание России последней трети XVIII в. Проблема национального характера своеобразно преломилась в романе М. Комарова об исторической личности. И если в философско-политическом романе воспитания ("*Приключения Фемистокла*" Ф. А. Эмина, "*Нума, или Прозвѣтающій Рим*" М. М. Хераскова), отразившем классицистические представления о неизменности вечной действительности и сути человека, условное историческое прошлое было лишь формой изображения столь же условного настоящего, то в "*Ваньке Каине*", художественная структура которого основывалась на иной концепции дейст-

¹⁰ История Ваньки Каина со всеми его сысками, розысками и сумасбродною свадьбою. – СПб.: Импер. тип., 1815. – 32 с.

¹¹ Макогоненко Г. П. Из истории формирования историзма в русской литературе // Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII - начало XIX в. – Л.: Наука, 1981. – С.38-41.

¹² Стенник Ю. В. Полемика о национальном характере в журналах 1760–1780-х годов // XVIII век. Сб. 22 / Под ред. Н. Д. Кочетковой. – СПб.: Наука, 2002. – 437 с. – С. 85–95.

¹³ Собеседник любителей российского слова. – 1783. – Ч.3. – С. 116.

вительности, прошлое осознано как исторически конкретное и помогает поэтому понять столь же конкретное настоящее, обусловленное именно этим прошлым¹⁴.

Вся биография Ваньки Каина состоит из постоянных столкновений с законом и представляет собой непрерывный ряд преступлений. Воровские проделки Каина, как и любовные похождения содержанки Мартоны – героини "*Пригожей поварихи*" М. Чулкова – не являются чем-то неординарным: они закономерны в мире, где человек может оказаться за бортом жизни. Но естественные, с точки зрения социально-экономического анализа природы общества, похождения Ваньки необычны, с точки зрения романских представлений. Вот почему в названии автор определил похождения своего героя как "*странные*", настаивая при этом, что описание "*добрых и злых дел российского мошенника*" "*обстоятельное*" и "*верное*".

Романские представления о жизни как цепи увлекательных приключений, не выдерживают проверки реальной действительностью, где все значительно грубее и в то же время драматичнее, где даже любовь, составляющая основу романного сюжета, деформируется, принимая уродливые формы. Так, не знающий иных отношений Каин принуждает к любви приглянувшуюся ему девицу – дочь отставного сержанта – сначала деньгами, потом пытается покорить ее своим видом в немецком платье и парике, а потерпев фиаско, оговаривает возлюбленную в Сыском приказе и после того, как ее избивают плетьюми, наконец, получает согласие на брак.

Любопытно, что М. Комаров, хотя и включил в свой роман любовный эпизод, отсутствующий в автобиографических записках Каина¹⁵, но поместил

¹⁴ Любопытно, что в романе-фельетоне Д.Евдокимова "Загадки Ваньки Каина", опубликованном в 1988 г. в газете "Московский комсомолец", сюжет романа М. Комарова использован как одно из звеньев в цепочке загадочных событий, происходивших в Москве в середине 80-х гг. XX в., но причины которых кроются в эпохе Ваньки Каина.

¹⁵ История известного плута Ваньки Каина, им самим рассказанная. – М.: Тип. Семен, 1865. – 32 с.

его в документальную, протокольную часть произведения *"Дела Каиновы, учиненные во время бытность его сыщиком"*, подчеркивая тем самым общую природу всех поступков вора и доносчика, обусловленную социальным бытием героя.

Углубление историзма и исторического чувства, характерное для мироощущения человека эпохи Просвещения, вывилось в стремлении М. Комарова раскрыть конкретный исторический смысл места действия, времени, социальных условий жизни героя.

События, описанные в романе, расположены в системе четко очерченных пространственно-временных координат. Действие происходит не просто в *"царствующем граде Москве"*, а в местах, хорошо известных третьесословному читателю, в тех местах, где обитает и орудует воровская братия. Это торговые ряды Китай-города, где Ваньку Каина поймали на цепь как бежавшего от своего хозяина; это Немецкая слобода и Лафертовский дворец, где Ванька обокрал иностранного доктора (отметим попутно, что автор употребляет вместо *"Лефортово"* простонародное *"Лафертово"*, которое бытовало в московском наречии еще и в начале XX века, о чем писал В. А. Гиляровский¹⁶). Действие разворачивается в доме генерала Шубина, огороде Татищева, доме г. Чернышева и т.п.

Художественное пространство романа существенно расширяется, по сравнению с *"Пригожей поварихой"* Михаила Чулкова, включая не только дом, внутри которого и происходили главные события жизни содержанки Мартоны, а улицы, воровские "малины", пригородные дороги, тюрьму, Сыскной приказ. Художественное пространство *"Ваньки Каина"* определено профессией героя: вора и сыщика одновременно. Сохраняя места походов Каина, указанные в документе – *"списке, написанном им самим"*, Комаров стремится освоить те реальные обстоятельства, в которых жил его

¹⁶ Гиляровский В. А. Москва и москвичи. – Ташкент: Узбекистан, 1988. – 384 с. – С. 13.

герой – человек определенной эпохи и определенного социального круга.

Эпоха и социальное положение Ваньки как важнейшие и определяющие его жизнь моменты названы в открывающих историю "анкетных данных" героя, структурно отделенных от основного текста: *"Иван Осипов сын по прозванию Каин, родился во время царствования Государя Императора Петра великого в 1714 году, от подлых родителей, обитающих в столичном Российской империи городе Москве"*¹⁷.

Дата рождения героя – 1714 год – и дата последнего тридцать четвертого по счету дела Каина – 1745 год – определяют временные границы истории Ваньки. Биографическое время – основное в романе-биографии мошенника – определяет хроникальный тип композиции произведения.

Сохраняя важнейшие типологические черты социально-бытового романа как особой жанровой разновидности, сложившейся в творчестве М. Чулкова, Комаров попытался усилить эффект достоверности. Опора на подлинный документ видоизменяет жанровую структуру романа. Документальная стихия становится в *"Ваньке Каине"* основной, что особенно очевидно при сопоставлении произведения М. Комарова с повлиявшим на него романом о французском мошеннике Картуше, где доминирует вымысел. Помещая оба произведения в одной книге (*"Обстоятельные и верные истории двух мошенников: первого российского славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина со всеми его сысками, розысками и сумасбродною свадьбою, забавными разными его песнями и портретом его. Второго французского мошенника Картуша и его сотоварищей.* – СПб., 1779. – 232 с.), М. Комаров, видимо, хотел привлечь внимание читателя на бóльшую достоверность, а значит (в соответствии с эстетическими представлениями автора *"Ваньки Каина"*) и бóльшее совершенство романа о русском мошеннике.

¹⁷ Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина всей его жизни и странных походов. Сочиненное М. К. в Москве 1775 года. Печ. в СПб.: Сенат. тип., 1779. – 104 с. – С. 1.

В свое время В. В. Сиповский и В. Б. Шкловский подробно проанализировали характер трансформации документальных автобиографических записок Ивана Осипова Каина в произведении М. Комарова¹⁸, попытаемся рассмотреть другую сторону этого процесса: как документ повлиял на жанровую природу *"Ваньки Каина"*.

Уже название, в котором курсивом было выделено имя главного героя – популярной легендарной личности – ориентировало читателя на достоверный характер описания добрых и злых дел этого мошенника. На это указывали и слова *"обстоятельное"* и *"верное"*, значение которых прояснялось в предуведомлении, когда, сожалея о недоступности документов по делу Каина, имеющих в Московской полиции, в тайной канцелярии и в Сыском приказе, автор замечает, что *"сия история могла быть еще порядочнее и обстоятельнее"*¹⁹. В таком контексте слово *"обстоятельное"*, вынесенное в название, являлось синонимом не только *"правдивого"*, но прежде всего *"документального"*. В то же время такой тип названия связывал произведение Комарова с традицией низовой сатирической литературы жартов, факетий, сатирических повестушек, с *"Похождениями нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута Совистдрала, Большого Носа"*, переведенными с польского на русский язык как раз в 1775 г., как утверждает Э. Малек²⁰.

Улавливая четко обозначившееся в общественном сознании России 1760-70-х гг. понимание роли исторических сочинений и отвечая на общественную потребность в изучении истории народа, М. Комаров стремился с документальной точностью зафиксировать в романе историю отдельной личности, так как из таких маленьких историй, по мнению писателя, и складывается в конечном итоге большая история нации. Замечая

¹⁸ Сиповский В. В. Указ. соч. С. 36-38; Шкловский В. Б. Указ. соч. – С. 49-76.

¹⁹ Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина всей его жизни и странных походов. Сочиненное М. К. в Москве 1775 года. Печ. в СПб.: Сенат. тип., 1779. – 104 с. – С. нн.

²⁰ Malek E. Z dziejów Cowizdrzala w Rosji // Studia polone-slavica-orientalis. Acta Litteraris VII. – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk; Łódź, 1961. – С. 207-219. – С. 209

в предуведомлении, что отечественной литературе необходимо иметь "столько ...истории писателей, сколько ныне стихотворцев и комедии сочинителей", автор определяет и путь к достижению этой цели: "...если бы... некоторые люди вели журнал своей жизни, то б безо всякого сомнения со временем показалось на свет немалое количество достойных любопытного чтения книг; и потомки наши с большим удовольствием читали в оных о делах своих предков, нежели деяниях иностранных народов"²¹.

Свою книгу как образец такого документального романа или истории, как ее назвал М. Комаров, и предлагает автор, перечисляя в предуведомлении те документы, которые послужили источником сюжета его произведения. Он сообщает, что еще в 1755 г. сам говорил с Ванькой в Сыскном приказе, а в 1774 г. ему попался "список о делах сего мошенника", по содержанию которого "надобно думать, что оригинал того списка писан им самим (Каином – О. К.) или другим кем по его объявлению, сверх же того по некоторым обстоятельствам имел я случай говорить с такими людьми, которые его довольно знали"²². Видя в документализации один из возможных путей обновления и развития романа, М. Комаров полемически завершает свои размышления о настоящем романе в предуведомлении, противопоставляя свое произведение "пустому Задековому предсказанию"²³.

Достоверность имен и походов, описанных в истории, подчеркивается в многочисленных сносках, сближающих структуру "Ваньки Каина" не только с различными жанровыми разновидностями "высокого" и "низового" русского романа 1760-70-х гг., но и с научными сочинениями этого времени. Так, рассказывая о проделках Ваньки в домах немецкого доктора, немецкого портного, автор в сносках отсылает читателя к документу

²¹ Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина всей его жизни и странных походов. Сочиненное М. К. в Москве 1775 года. Печ. в СПб.: Сенат. тип., 1779. – 104 с. – С. нн.

²² Там же. – С. нн.

²³ Там же. – С. нн.

– автобиографическим запискам Каина: *"Имя сего Доктора в одном списке написано Елвах, в другом Ялвах, но я думаю, что оба оные наименования несправедливы, ибо у нас обыкновенно подлые люди как пишут, так и выговаривают иностранные слова несправедливо"* ²⁴. Или отмечает неподтвержденные документом выдумки, вполне уместные в романе: *"Некоторые говорят, будто Каин сего доктора и с женою зарезал, только в имеющихся у меня списках ни в одном о том не написано"* ²⁵.

По мере развития событий автор включает элементы документа в описание походов своего героя. Воспроизводя стиль и структуру протокола допроса, Комаров нумерует клички воров – товарищей Каина – и места их поимки: *"1. Столп, 2. Кувай, 3. Легат, 4. Жузла"* ²⁶, *"1-е) близ Московских ворот в Зарядье, в доме у Протопопа, взяли вора Якова Зуева, с товарищи двадцатью человеками... 5-е) На Москве реке против устья реки Яузы, взяли на стругу беглых бурлаков, с фальшивыми паспортами, семь человек"* ²⁷.

Но и такое использование документа, видимо, кажется автору недостаточным. Вторую половину романа составляет рассказ о проделках Ваньки Каина-сыщика, преподнесенный в виде документа *"Дела Каиновы, учиненные во время бытность его сыщиком"*, и структурно выделенный как самостоятельная часть произведения ²⁸. Каждое новое дело Каина получает в документе свой порядковый номер (от № 1 до № 34) и описано языком протокола: *"№ 6. Поймал воров. Алексея Журку, с товарищи четырнадцать человек, которые признались в покраже денег и пожитков у секретаря Чубарова, и в других многих воровствах. 7. Сыскал семнадцать человек воров, которые покрали Сибирской приказ"* ²⁹. Даже любовная история

²⁴ Там же. – С. 14.

²⁵ Там же. – С. 15.

²⁶ Там же. – С. 41.

²⁷ Там же. – С. 57.

²⁸ Там же. – С. 62-104.

²⁹ Там же. – С. 65.

Ваньки получает в протоколе порядковый номер – 16, хотя и представляет собой уже развернутую новеллу, имеющую самостоятельное название *"Описание Каиновой свадьбы"* ³⁰.

Роль своеобразного документа эпохи выполняют и взятые, как установил В. Шкловский ³¹, из чулковского *"Собрания разных песен"* (1770-74 гг.) народные песни, которые автор приписывает Каину и которые должны *"свидетельствовать тому..., что Каин по своим делам во время свое был славен"* ³². Эти песни освещали скрытую от читателя сторону души героя, придавая образу Ваньки национальный колорит, передавая то бесшабашное русское удалство и смешанную с ним грусть, которые запечатлены в отобранных автором народных песнях: *"Ах! пал туман на сине море"*, *"Ах под лесом, лесом, под зеленой дубравой"*, *"Ах вы горы, горы крутые"*, *"Ах тошным ли добру молодцу тошнихонько"* и др. Такой фольклорный *"документ"* как бы восполняет психологическую достоверность образа.

Документ, включенный в роман, рождает необычные формы повествования. Читатель легко выделит в *"Ваньке Каине"* два повествовательных слоя, отразивших две различные точки зрения на описанные события. С одной стороны, это авторское повествование: выделенные структурно отступления-размышления о мире и человеке ³³, болтовня с читателем ³⁴, сноски, обнаруживающие обширные познания автора, в том числе и из жизни социального дна. Автор анализирует описанные Каином похождения, пытается понять их причины и закономерность судьбы вора.

Но большая часть повествования отдана герою. Этот второй слой, контрастирующий с первым по стилю (сухая, лаконичная протокольная констатация содеянного), отразил каинов взгляд на мир. И даже когда

³⁰ Там же. – С. 67-79.

³¹ Шкловский В. Б. Указ. соч. – С. 49.

³² Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел ... – С.41

³³ Там же. – С.10, 31, 59 и др.

³⁴ Там же. – С. 22, 30, 59.

рассказ от первого лица, характерный для документальных свидетельств о проделках Ваньки, сменяется повествованием от третьего лица, это несобственная прямая речь героя, рассказ о себе в третьем лице (в чем нельзя не увидеть развитие традиции русской мемуаристики начала XVIII в.: Б. Куракин, А. Матвеев, А.Посошков)³⁵. Роман о преступнике, вырастая из стихии протоколов, дел, хранящихся в Сыскном приказе, которые и были подлинными мемуарами вора, выливается в форму *криминальной биографии* – своеобразный синтез исповеди и протокола допроса. Документальное начало нарушало жанровый стереотип плутовского романа, с которым "*Ваньку Каина*" отождествляют некоторые исследователи³⁶.

На пересечении двух точек зрения: авторской и каиновой – и появляется объемная картина России второй половины XVIII в. Отделяя героя от автора, признавая его сознание равноправным с авторским, Комаров показал Каина как личность со своим индивидуальным мироощущением, своим складом характера, проявляющимся не только в удачных выходках вора, но и в его речи, пересыпанной пословицами, составляющими своеобразный катехизис Каина. Подобная речевая организации романа была, безусловно, шагом к овладению романной полифонией.

Оплодотворяя роман документом, М. Комаров несколько видоизменил жанровую структуру социально-бытового романа, основные признаки которой определились в "*Пригожей поварихе*" М. Чулкова. Если "*Пригожая повариха*" М. Д. Чулкова являла собой имитацию мемуаров, основанную на художественном вымысле, то продолжатель традиции Чулкова Матвей Комаров, беллетризировал подлинный документ, создав

³⁵ Гюбиева Г. Е. Этапы развития русской мемуарно-автобиографической литературы XVIII века: Автореф. дис. ... канд филол. наук. – М., 1968. – 17 с. – С. 5.

³⁶ Курилов А. С. Проза эпохи классицизма. Освоение новых художественных форм. Введение // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. – М.: Наука, 1982. – 391 с. – С. 177-188. С.180; Stridter J. Der Schelmenroman in Russland. Ein Beitrag zur Geschichte des russischen Romans vor Gogol. – Berlin: Deitz, 1961. – 296 s. – S. 121.

роман об исторической личности. Криминальная биография "Ванька Каин" М. Комарова отразила стихийный рост историзма в русской литературе последней трети XVIII в. и обогатила жанр приемами изображения исторического своеобразия человеческих судеб, осознанных как момент в живом историческом развитии нации, судеб, обусловленным временем и средой обитания.

Статья напечатана в сборнике:

Сквозь литературу. Сборник статей к 80-летию Леонида Генриховича Фризмана. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2015. – 464 с.

ISBN 978-966-489-339-5

Язык издания: русский

<http://www.burago.com.ua/index.php/ru/novosti/novosti-izdatelstva/263-skvoz-literaturu>

В сборник вошли статьи видных литературоведов Украины, Польши, Германии, США, Канады, Израиля, Узбекистана, России. Он охватывает

широкий круг проблем истории русской литературы от древности до наших дней. В большинстве публикуемых работ исследуются актуальные, но недостаточно изученные вопросы, вводятся в оборот ранее неизвестные материалы, выявляются новые аспекты подхода к ним, определяются перспективы их дальнейшего изучения.

Статьи публикуются в редакциях, представленных авторами.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. А. Андрущенко (Харьков). Каким мы его знаем

С. Д. Абрамович (Каменец-Подольский). Сотериологическая концепция «Книги Екклесиаста»

О. Л. Калашникова (Днепропетровск). Беллетризация документа или документализация романа: история Ваньки Каина

М. В. Строганов (Тверь, Россия). «Мое праздное время», или Творчество как неработа

Т. М. Марченко (Артемовск). Казацкие летописи в культурной жизни России XIX века: к вопросу об онтологическом статусе

А. Б. Перзеке, М. Ю. Перзеке (Псков, Россия). Мифопоэтическая семантика комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»

Н. Л. Васильев (Саранск, Россия). «Так он писал темно и вяло...» (К вопросу о литературных источниках пушкинского комментария к элегии Ленского)

С. А. Кибальник (Санкт-Петербург, Россия). Пушкинский смех

В. А. Кошелев (Новгород Великий, Россия). Пушкин: поэтика «пропущенной строфы»

О. Б. Кафанова (Санкт-Петербург, Россия). «Дубровский» А. С. Пушкина: у истоков русского усадебного романа

С. И. Кормилов (Москва, Россия). Тело и душа, жизнь и смерть, земля и небо в поэзии Лермонтова

Е. А. Тахо-Годи, Ю. Ю. Анохина (Москва, Россия). На пиру одиноких (Боратынский – Вяземский – Мандельштам – Кенжеев)

Ю. В. Манн (Москва, Россия). Из жизни одного жанра (Повесть Н. В. Гоголя «Рим» глазами европейцев)

Мария Кшондзер (Любек, Германия). Гоголь в оценке Александра Блока и Андрея Белого

В. А. Гусев (Днепропетровск). Пушкинский и гоголевский миф в духовном пространстве русской культуры

К. В. Бондарь (Хайфа, Израиль). Хрущов и другие

И. В. Черный (Харьков). Художественное своеобразие романа В. И. Крыжановской-Рочестер «Царица Хатасу»

Р. Г. Назарьян (Самарканд, Узбекистан). Да будет легка ей окраинная земля...

И. Я. Лосиевский (Харьков). Защита поэта. Вадим Шершеневич

Эмилия Обухова (Ванкувер, Канада). «Шел я по улице незнакомой». О стихотворении Николая Гумилева «Заблудившийся трамвай»

Марк Альтшуллер (Питтсбург, США). Два гудка (Максим Горький и Борис Корнилов)

Роман Мных (Седльце, Польша). Смех, гротеск и трагическая буффонада в поэтике Анны Ахматовой

Т. А. Пахарева (Киев). История как театр в художественном мире Анны Ахматовой

А. С. Силаев (Харьков). «Робость художника» или художническая смелость мастера? (Об одной из граней пушкинской тематики в творческом наследии М. А. Булгакова)

Е. С. Анненкова (Киев). «Почувствовать свое предназначенье»: о мотивах творческого замысла и написания романа Г. Кузнецовой «Пролог»

А. Т. Гулак (Харьков). Чудесная поэтическая удаля Александра Твардовского

Бартош Осевич (Познань, Польша). «Письмо в семнадцатый век»

Александра Галича и «Анкор, еще раз» Яцека Качмарского как современные экфразисы

А. В. Кулагин (Коломна, Россия). Цикл А. Кушнера «Стансы»: жанр, композиция, контекст

В. Я. Звиняцковский (Киев). Молодая Россия и древняя Украина от Полтавы до Рима

Т. С. Шевчук (Измаил). Легенды Змеиного острова

Леонид Геллер (Лозанна, Швейцария). О теориях массовой литературы

И. И. Степанченко (Харьков). Парадигматический анализ лексики поэтического произведения как средство интерпретации его содержания

Список печатных работ Л. Г. Фризмана (2010 – 2015)

Сведения об авторах